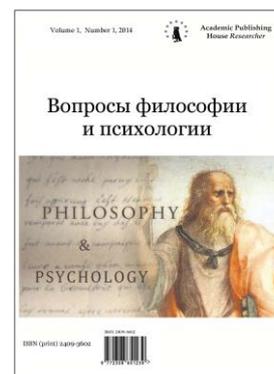

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2414-0856
2019, 6(1): 14-27

DOI: 10.13187/vfp.2019.1.14
www.ejournal20.com

State as Factor of Civilization Evolution of Russia

Yury D. Granin ^{a, *}

^a Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the analysis the problem of civilization ownership of Russia in the historical range from Kievan Rus' to the modern Russian Federation. It is solved on the basis of use of the author's (institutional) version of civilization approach. According to it, "the universal states" – "kingdoms" and "empires" were the most important factor of formation and development of civilizations, their interaction and the competition. Studying formation and development of the Moscow kingdom, the Russian Empire and the USSR, the author comes to a conclusion that historically these political forms had three civilization embodiments: "an orthodox civilization", "a hybrid civilization moderny like "Romanov' empires and the "Soviet civilization" representing special type of industrial development. Modern Russia, certainly inherits it. But it doesn't have political and religious metaideology uniting the people, and in contrast to the United States, it doesn't claim on global domination. More likely, it represents *civilization to a pseudomorphosis*, fancifully combining elements of antiquity, the Soviet past and the present. In the conditions of geopolitical loneliness of Russia, its prospect are connected with system modernization of the country on the basis of own civilization model allowing (like China, India and Japan) to develop effective strategies of development alternative to the western modernism.

Keywords: state, empires, modernization, kingdom, civilization.

1. Введение

Почему, невзирая на многократные усилия РФ объяснить всем и вся свои действия на международной арене как соответствующие международному праву, страны ЕС продолжают поддерживать США в их стремлении самыми разными способами ущемить экономические, политические и иные интересы России? Обычно, объясняя этот феномен, политологи ссылаются на присоединение Крыма, поддержку ДНР, ЛНР, других непризнанных государств, вспоминают об "имперском прошлом" нашей страны как "тюрьмы народов", ее, будто бы, исторической агрессивности и т.д. Все эти "страхи" и "факторы", разумеется, имели и имеют место быть. Но в их числе есть один, о котором часто забывают: десятки государств Европы, а с ними Канада, Австралия и ряд других стран Запада, поддерживают политику санкций США в отношении РФ, поскольку не считают ее принадлежащей к европейской (евроатлантической) цивилизации, а значит - и "европейской державой", способной играть по правилам "большой Европы".

Впрочем, примерно такого же рода сентенции европейских элит в адрес Московской Руси, царской и советской России раздавались в течение многих столетий. В них верно лишь

* Corresponding author
E-mail addresses: maily-granin@mail.ru (Y.D. Granin)

то, что Россия действительно была и остается "другой" – страной иной цивилизационной принадлежности. Но в чем специфика нашей цивилизации – об этом со времен Данилевского и до сей поры идут оживленные споры. Иногда договариваются до того, что объявляют Россию "варварской цивилизацией" (Яковенко, 1995), хотя более логично было бы говорить о "всплесках варварства" в составе не только российской, но всех других цивилизаций. О них я еще выскажусь. И попытаюсь показать, что история России является собой череду попыток обретения собственной (всякий раз новой) цивилизационной специфики, важнейшим фактором успехов и срывов которых были и остаются особенности российского государства. Начать этот непростой разговор целесообразно с анализа изменения содержательных характеристик цивилизационного подхода к изучению человеческой истории, эволюция которых была связана с появлением новых парадигм объяснения исторического процесса в XX – начале XXI века.

2. Результаты

Не смотря на столетия употребления понятия "цивилизация" общепринятого значения эта дефиниция в социальных науках так и не обрела. В научной литературе сосуществуют, успешно конкурируя между собой, десятки определений "цивилизации". Аналогичным образом складывается ситуация и со многими другими терминами ("культура", "империя", "нация" и т.д.), которые, в силу многозначности, лучше квалифицировать в качестве "концептов". И поскольку единства взглядов в этой области нет, нет и единственного "цивилизационного подхода" к анализу истории человечества.

Его основоположником по праву считается наш соотечественник Н.Я. Данилевский, автор знаменитой книги «Россия и Европа» (1868). Согласно его взглядам, главными действующими лицами на арене мировой истории являются не индивиды, государства или нации, а огромные культурно-религиозные общности, названные ими «культурно-историческими типами». В дальнейшем именно такие и им подобные общности (с неизбежными и весьма серьезными уточнениями) получили название "цивилизаций" и были переосмыслены в первой трети XX в. работах О. Шпенглера, П. Сорокина, П.Н. Савицкого и А. Тойнби. Труд Шпенглера "Закат Европы" (1918) и многотомное "Постижение истории" Тойнби (1934-1961) не только произвели сильное впечатление на читателей, но и спровоцировали волну критики из стана профессиональных историков.

Особенно убедительно она прозвучала из уст одного из основателей "школы Анналов" Люсьена Февра в статье "От Шпенглера к Тойнби" (1936), в которой знаменитый французский историк, отдавая должное эрудиции Тойнби и его таланту публициста, тем не менее пришел к выводу, что изучив более 1000 стр. первых трех томов Тойнби "Постижение истории" (1936), он не нашел в них ничего, что не было бы известно специалистам уже к началу XX столетия. "Покончив с разбором, – пишет Февр, – подведем итоги: все "оригинальное" содержание этой тысячи с лишним страниц, которое мы с грехом пополам попытались изложить на двадцати, сводятся в конечном счете всего к трем-четырем положениям" (Февр, 1991: 89). Кроме того, все теоретические новации Тойнби из области объяснения зарождения, расцвета, угасания или гибели цивилизаций (*концепция "вызовов" и "ответов", "творческого меньшинства" (элиты) и "инертного большинства" (массы), "внутреннего" и "внешнего" пролетариата*), относятся, по мнению Февра, к области философии истории. "Подытожим в двух словах. То, что в "A Study of History" достойно похвалы, не представляет для нас ничего особенно нового. А то, что в нем есть нового, не представляет особенной ценности. ...Нам не преподнесли никакого нового ключа. Никакой отмычки, с помощью которой мы могли бы открыть двадцать одну дверь, ведущую в двадцать одну цивилизацию" (Февр, 1991: 95).

Как оказалось, это было слишком сильное утверждение знаменитого историка. Последующее развитие социальных наук не только не оттеснило на обочину цивилизационный подход, а сохранив в его составе идеи Шпенглера и Тойнби, наполнило его новым содержанием. Пожалуй, лучшим примером этой тенденции оказались труды ученика Февра великого Фернана Броделя, оставившего замечательные труды по истории и теории цивилизаций.

Полемизируя с Гурвичем и Леви-Строссом, Бродель обращается к категории исторического времени и вводит *концепт темпоральности* исторического процесса,

использование которого, по его замыслу, должно историзировать "науки о человеке", придавая социальной реальности характер длительности и протяженности. Для него «диалектика времени - это ядро социальной реальности, живое, внутреннее, постоянно возобновляемое противоречие между настоящим моментом и медленным течением времени» (Бродель, 1977: 117). Характер этой диалектики определяется взаимодействием трех структурных уровней исторического времени, взаимовлияние которых структурирует окружающую агентов истории "среду" (пространство), требуя от историка-исследователя иметь их ввиду и постоянно работать на разных "этажах" исторической динамики. Тем самым историческая наука понимается мастером как "тотальное предприятие", требующее от специалистов работать со структурами разной длительности.

Самой малоподвижной структурой броделевской «тотальной истории» является «геоистория», измеряемая «временем очень большой длительности» («*la très longue durée*»). Историю в данном измерении Бродель характеризует как «медленно текущую», «мало подверженную изменениям». Для нее характерно «квазивечное время» («время мудрецов», «полумифическое время»), производящее редукцию всех социальных явлений к занимаемому пространству. В противовес ему самый изменчивый темпоральный уровень занимает «событийная история» («*histoire événementielle*») и гораздо более устойчивый и более приспособленный для анализа уровень «конъюнктурного времени» - долговременных тенденций ("вековых трендов"), "затрагивающих экономику, политику, демографию, но в такой же мере - и самопознание, коллективное мышление, преступность с ее подъемами и спадами, сменяющие друг друга художественные школы, литературные течения, саму моду" (Бродель, 1992: 66)

Но самый содержательный уровень анализа у Броделя представлен категорией «время большой длительности» («*la longue durée*»). С этим видом времени ученый связывал понятие «структуры», под которой понимал «организацию, порядок, систему достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и массами... Это ансамбль, архитектура социальных явлений, но прежде всего она – историческая реальность, устойчивая и медленно изменяющаяся во времени» (Бродель, 1977: 124) Используя категорию «*la longue durée*», Бродель исследует такие исторические структуры как "материальная культура", "повседневная жизнь", "ментальность", «вековые тренды» геоэкономики и, главное, – "цивилизации". Последние он определял как наиболее стойкие из человеческих ассоциаций, полагая, что жизнь цивилизаций является самой долгой из всех исторических структур. Настолько долгой, что апеллируя к долговременным ментальным структурам, лежащим, по его мнению, в основе ценностных оснований цивилизаций (религиозным верованиям, отношениям к смерти, работе, удовольствиям и семейной жизни), он утверждал, что даже социально-экономические и политические перевороты и катаклизмы, смена правящих классов не меняют принципиально характер продолжающегося развития "страны-цивилизации", погруженной в "большую длительность". В этом контексте он считал, например, что ни французская, ни русская революции не сумели переломить ни судьбу французской, ни судьбу русской цивилизации – цивилизационные традиции "переваривают" социальные перевороты.

Думаю, это спорное утверждение, которое в несколько измененном виде (в виде представления о некоем социально наследуемом и неизменном "культурном коде") утвердилось и в современном отечественном общественном сознании в работах А. Ахизера, С.А. Королева, А.И. Музыкантского, С.А. Никольского, В.Л. Цимбурского, И.Г. Яковенко и ряда других авторов. Согласно представлениям этих исследователей менталитет наших с вами соотечественников характеризуется некими неотрефлексированными (бессознательными) стереотипами поведения, которые заданы сформированными еще во времена Московского царства "ментальными комплексами", не позволяющими осуществить взыскуемую столетиями вестернизацию и модернизацию России. Перечень этих ментальных структур обширен и крайне разнообразен. Но не о них пока речь. Во многих современных исследованиях цивилизационной специфики России меня смущает (та же, что у Броделя) неявная предпосылка о неизменности "цивилизации", о долговременности (чуть ли не вечности) составляющих ее "ментальных структур", напоминающих архетипы "коллективного бессознательного". Как долго они сохраняются? Если история есть процесс становящегося и ставшего, в котором цивилизации воплощают "ставшее" (устойчивое), то

разве они, и составляющие их духовную основу "ментальные структуры", лишены "становления" и "развития"? Да и целесообразно ли в ходе анализа цивилизаций редуцировать их основания к неосознаваемому плану психической реальности, тем самым выводя за пределы диалектики Бытия и Сознания? В границах цивилизационного подхода ответы на эти вопросы до сих пор находятся в стадии обсуждения. Но вернемся к Броделю.

Помимо концепта темпоральности исторического процесса для него очень важной была мысль, что "постижение истории" будет плодотворным лишь диалектически и многоаспектно. В этой связи он, в "Грамматике цивилизаций", писал о том, что цивилизация может быть успешно определена как "собирательное" понятие и лишь "в соотношении с другими науками о человеке". То есть интерпретировал это понятие как междисциплинарную категорию. В этом – социогуманитарном – контексте (теоретическом контексте антропологии, психологии, политической экономики и др.) цивилизации, по его мнению, должны быть поняты и исследованы как "географические и культурные пространства", как "общественные формации", как "экономические уклады" и как "различные коллективные мышления" (Бродель, 2008).

Имея ввиду эти соображения, в дальнейшем я буду опираться на восходящую к Питириму Сорокину трактовку, в пределах которой понимание цивилизаций базируется на их интерпретации как «социальных общностей», сложившихся «на основе центрального ядра, состоящего из культурных смыслов, ценностей и норм, которые и служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей». Поскольку в большинстве случаев территория распространения цивилизации включает в себя не один, а несколько различных в культурном плане народов (этносов), постольку необходимым условием устойчивого существования цивилизации является *метаидеология* – разделяемые большинством представления и универсалии ("картины мира" – природного, социального), соответствующие им и господствующим практикам смыслы, ценности и нормы жизни. В их перечне важную роль занимают так называемые геополитические (во много сакральные) "панъидеи", – дискурсивно оформленные и ценностно значимые представления о центральном (вселенском) положении "своей" цивилизации (римской, китайской, русской и др.) на воображаемой карте ментальной географии.

При этом следует иметь в виду, что цивилизация это не только «оплотневшая» в центральном ядре, кристаллизовавшаяся в политических, экономических и иных практиках *метакультура* и корреспондирующая с ней *метаидеология*, «осевшая» в некоторых долговременных ценностях и мыслительных парадигмах, но и некое *социокультурное целое, образованное соединением «культурного ядра» со многими социальными институтами и институтами и закреплённое ими*. Одним из таких, политических, институтов является «государство», которое, будучи одновременно и отделённым от основной части «общества» (населения) системой власти, в свою очередь оказывается *политической формой* организации и распространения входящих в цивилизацию локальных социумов и, как правило, всей «цивилизации». В последнем случае наиболее успешной государственной формой и фактором распространения цивилизации на большие расстояния во многих регионах исторически оказывались "универсальные государства" – "царства" и "империи" (Гранин, 2006; Гранин, 2013). Хотя, понятно, что цивилизации в качестве *социокультурных типов развития* географически очень часто перешагивают многие государственные границы, являясь для народов иной цивилизационной принадлежности неким "образцом развития".

Это объяснимо в контексте развиваемой автором социально-философской теории глобализации, основывающейся на понимании антропоистории как нелинейного движения от локальных историй человеческих сообществ к "всемирной" (всеобщей) истории человечества. В ее теоретическом пространстве источником долговременной исторической динамики оказывается пространственная и сопутствующая ей политическая, экономическая и культурная экспансия выходящих на авансцену региональной истории социумов, а содержанием – исчезновение, поглощение и/или трансформация сталкивающихся антропосоциальных целостностей в территориально и численно более обширные интегративные образования, изменение географического масштаба и инфраструктуры взаимодействий между ними и формирование всякий раз иначе организованного, но постоянно расширяющегося, внешнего (международного) и внутреннего

(государственного) социального пространства совместной жизни народов на основе той или иной цивилизационной модели развития*. Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев была «империя», оказывавшаяся на каждой из стадий глобализации человечества мощнейшим политическим средством «переплавки» и ускорения процесса интеграции лингвистически, религиозно и культурно разных элит и населения имперских территорий. Так, параллельно и сменяя друг друга в качестве «лидеров», на просторах Евразии формировались и развивались «китайская», «индийская», «эллино-македонская», «римская», «арабо-мусульманская», «западноевропейская» и (выросшая из нее) «евроатлантическая» цивилизации, соответствующие им «полюсы» регионального и межрегионального развития (Подробнее: [Гранин, 2006](#); [Гранин, 2013](#)).

Но какое место в этом ряду занимала и занимает Россия? Очевидно, что отнести ее к названным "мировым" (глобальным) цивилизациям не удастся. Хотя ее имперское прошлое, начиная по крайней мере со второй половины XVIII века, провоцирует на необходимость поместить Россию в ряд "великих держав". Но не великих "цивилизаций". Скорее и со многими оговорками, она принадлежит к таким же "странам-цивилизациям", как например, Япония. Но если последняя, отвечая на вызов Запада, провела и осуществляет модернизацию на собственной цивилизационной основе, то Россия, образно говоря, застряла между Востоком и Западом, продолжая осуществлять политику "догоняющей модернизации" ([Гранин, 2015](#)). Исторически это связано с ограничениями ее собственного развития, которые имели объективный и субъективный характер. И это следует учитывать, обсуждая исторические особенности цивилизационной эволюции России: появления и смены на ее территории нескольких цивилизационных типов развития как результата регулярного процесса "ответов" сначала государств и сообществ Древней, Киевской и Московской Руси, а затем и собственно "России" (царской, советской и современной) на "вызовы" Запада и Востока, Европы и Азии. Эскизно этот процесс можно представить следующим образом.

Первый вызов, который испытала Россия – природный. По мнению Ключевского, она не могла из-за суровости природы развивать интенсивное хозяйствование и пошла по экстенсивному пути - расширению земли, единственно возможному для традиционных обществ. Но вектор и характер этого расширения начиная с X века был задан месторазвитием страны, изначально находившейся между тюркскими каганатами, западно-христианской франкской империей Карла Великого (а затем и Священной римской империи германской нации, основанной Оттоном I в 962 г) и Византией, инерцией институтов архаики и социокультурными особенностями многочисленных племен и этносов, проживавших на территории Древней Руси.

Расположенная на водном пути "из варяг в греки" Древняя Русь - это "королевство городов" (*Гардарики*, как называли ее скандинавские наемники - варяги) - фактически представляла собой "*лимитроф*": пограничный пояс между странами разной цивилизационной принадлежности, в пространстве которого перемещались не только ладьи и караваны купцов с товарами и ремесленниками, но и странствующие проповедники, несущие Слово Божие из Византии, Волжской Булгарии и Хазарского каганата. Под их влиянием уже в начале второй половины X века в Киеве, Чернигове и других крупных южных городах возникали христианские, иудаистские и исламские общины единоверцев, оказывавшие влияние на языческое мировоззрение наиболее просвещенных: "торговых людей", князей и их дружины. Однако официальное принятие христианства "от ромеев" и крещение в 988 г. в водах Днепра "киевских людей" было осуществлено князем Владимиром по династическим и геополитическим причинам силой огня и меча, породившей в

* В данном случае под «цивилизационной моделью» понимаются формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного развития, самостоятельно выработанные народами (группой народов), заимствованные ими или навязанные им в процессе колонизаций и завоеваний.

частности, в Новгороде, Ростове, Муроме и ряде других мест массовое сопротивление славян-язычников.

Как бы то ни было, но именно после 988 г. появляется экономически и культурно сильное Киевской княжество, политический строй которого мало чем отличался от современных ей государств западно-христианской Европы. Как отмечает Ф. Бродель, "тогдашние русские города были настоящими западными городами. Киевская Русь веками славилась именно блеском своих городов, символизировавших материальное благополучие страны: в этом плане между Западом и Востоком Европы не наблюдалось никакого отставания, никакого разрыва" (Бродель, 2008: 504). Более того. Обладая принятыми в то время демократическими институтами правления ("вече"), которые распространялись на прилегающие к ним сельские территории, первые русские города были "открытыми" городами, в этом походя на города античности. "Они, - пишет Бродель, - не были закрытыми сообществами, предоставлявшими привилегии только своим гражданам, какими являлись города средневекового Запада" (там же) и культурно вплоть до XIII столетия им ничем не уступали. Правда, Киевское княжество отличалось от современных ему королевств большими размерами и заимствованной у степняков "лествичной" формой наследования удельных княжеских престолов.

Вместе с разнообразием племенного (этнического) и языкового состава "роусьской земли", с характерными для всех больших государств проблемами транспортных коммуникаций, не позволявшими обеспечивать эффективное управление из одного центра, именно "лествичная" форма наследования княжеских престолов уже с середины XI века провоцировала распад относительно единого государства на отдельные родовые княжества. Этому способствовало и сосуществование православия с языческими верованиями и обрядами крестьянства, а также незавершенность ассимиляции представителей балтских, финских или тюркских племен северо-востока страны. Так что Киевская Русь в качестве относительно единого политического целого просуществовало недолго: от времени правления Ярослава Мудрого до правления Владимира Мономаха.

На этот период пришлось важные изменения во внешнем окружении ее земель: официальное разделение в 1054 г. восточно-христианской и западно-христианской церковью, возникновение Литвы и начало серии крестовых походов на Аравийский полуостров, положивших конец мусульманскому контролю морских путей в Западном Средиземноморье. Это означало потерю значимости континентального торгового пути "из варяг в греки". И когда в 1204 г. латиняне захватили Константинополь, он окончательно оборвался: морской путь положил конец континентальному. А вместе с ним, отмечают исследователи, утратила былую силу и блеск своих культурных центров, династических связей Киевская Русь, разделившаяся на северо-восточные и юго-западные земли.

Была ли она особой локальной цивилизацией? Скучность исторических источников не позволяет сделать однозначный вывод о степени культурной интегрированности населявших ее народов. Православие как объединяющая религиозная метаидеология еще не стало доминантой развития, но уже отделило Византию и Русь – "схизматиков" – от западноевропейского "христианского мира". Последний тоже еще не представлял цивилизационного целого, но активно (в лице Польши, Литвы и германских рыцарских орденов) в начале XIII века заявлял претензии на исторически "роусьские земли". А с Востока на них надвигалась "кочевая империя" Чингиз-Хана, столетнее существование которой, как теперь считают специалисты, оказала не только негативное, но позитивное влияние на подвластные ей территории, обеспечив беспрепятственный транзит технических и культурных достижений центральной Азии и Китая через Киевскую Русь в Восточную и Западную Европу.

К сожалению, размеры статьи не позволяют более подробно остановиться на этом ключевом моменте нашей истории, завершившемся созданием особой цивилизационной модели развития уже во времена Московской Руси. Имея в качестве метаидеологии православие с политическими претензиями вселенского характера ("Москва - третий Рим, а четвертому не бывать"), Великое Княжество Московское (ВКМ) за времена "византийского влияния", господства Золотой Оды и последующей эмиграции "татарских царевичей" инкорпорировало в свой состав идеи самодержавного "царства" и деспотические формы правления, легитимизировало вседозволенность власти, ограничив в правах (в разной

степени) все сословия. Трансформация ВКМ сопровождалась упрочением государственно-общинного (потестарного) способа производства, с характерным для последнего отсутствием частной собственности на землю, и формированием служилой (государственной) "бюрократии", управляемой из одного центра. В то время как в Западной Европе начинает утверждаться западная "современность" (modernity)*, на ее восточных окраинах возникает основанная на традициях православная цивилизация, политически оформленная в "Московское царство", дискурсивно осознающее себя "наследницей Рима", "центром православного мира" на воображаемой карте ментальной географии и имеющее претензии вселенского масштаба.

Поскольку исторически эта цивилизация оказалась отрезанной от морских коммуникаций, ее географически и политически вынужденная экспансия уже в XVI столетии осуществлялась в двух направлениях: была направлена к Уралу и за Урал (колонизация Сибири), и на Запад. Начавшись еще при Иване III, Ливонские войны были продолжены Иваном Грозным, завершившись для нас наступлением Смутного времени. Анализируя этот период, А. Тойнби писал: «Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе «вестернизации», которую возглавил Петр Великий. Эта небывалая революция раздвинула границы западного мира от восточных границ Польши и Швеции до границ Маньчжурской империи. Таким образом, форпосты западного мира утратили свое значение в результате контрудара, искусно нанесенного западному миру Петром Великим, всколыхнувшим нечеловеческим усилием всю Россию» (Тойнби, 1991: 147).

Разумеется, интерпретация Тойнби реформ Петра в качестве начала вестернизации России приятна русскому уху, но не соответствует действительности. История свидетельствует: петровская и постпетровская Россия XVIII столетия не была признана, да и не стала "западным миром". Хотя попытки "европеизировать" страну начались еще при Алексее Михайловиче, Федоре Алексеевиче и Софье Алексеевне, то есть в XVII веке. Строго говоря, Россия того времени не была отсталой страной. Уже со времен Ивана IV существовало регулярное профессиональное войско (стрелецкие полки), вооруженное современным пороховым оружием, в том числе тульскими пушками, которые экспортировались в Голландию, малыми тиражами печатались светские книги разных жанров (сатирические и автобиографические повести, силлабическая поэзия, драматургия), издавались исторические сочинения, возникала светская живопись, при царском дворе появился театр - *формировалось "культурное ядро" новой православной цивилизации, которое позже будет названо "русским барокко"*.

Масштабы этого культурного ядра были не велики. Географически они ограничивались территориями распространения великорусского этноса, а социально-незначительными отличиями диалектов (говоров) разговорного старорусского языка и доминированием церковнославянского языка в церковном богослужении и письменной речи, понятного, прежде всего, духовенству. Остальные сословия в разной степени были приобщены к "высокой культуре": в большей степени знать и высшее дворянство, в меньшей – дворянство служивое и "низшее" (провинциальное), купечество и формирующееся городское мещанство. Не смотря на расширение границ царства на Восток, развитие промышленности на Урале, господствующим продолжал оставаться государственно-общинный способ производства, главной производительной силой которого было неграмотное многомиллионное крепостное крестьянство. Страна продолжала быть отрезанной от южных и западных морских коммуникаций Турцией, Польшей и Швецией, формируя в элитах чувство геополитической и культурной неполноценности.

Несмотря на крайне напряженные отношения с Западом, пережившим в XV-XVI веках бурный рост капитализма и эпоху Ренессанса, культурный трансферт из Европы в Россию через Польшу (Речь Посполитую) никогда не прерывался. Для аристократии и служивого

* Наилучшая («капиталистическая») хозяйственная система и, одновременно, передовые тип общественного (экономического, социального и политического) развития и тип общества, выступающие для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования.

дворянства Запад выступал в качестве образца для подражания, что, между прочим, порождало в этой среде удивительную реакцию на источник заимствований, получившую в социологической литературе название *ressentiment* (чувство ненависти, злобы и обиды). Но, как отмечают исследователи, удивительным образом из этого психологического состояния ("невыносимой несовместимости") вырастают противоположные социально-психологические последствия – созидательный импульс, с одной стороны, и anomia, с другой. В обоих случаях происходит трансформация ценностной шкалы цивилизации – переоценка ее ценностей, но с "разным знаком".

В одних случаях в ментальном пространстве (менталитете) определенных социальных групп *происходит распад системы устоявшихся ценностей и норм*, ранее поддерживавшей традиционный общественный порядок, из-за ее несоответствия новым сформулированным и принятым государством идеалам (аномия). В других – использование прежней ценностной иерархии для трансформации нововведений по старым образцам. В конечном счете происходит размывание "культурного ядра" цивилизации в срезе его нормативных оснований. Поэтому все попытки европеизации (модернизации) России XVII–XVIII столетий были поверхностными и, как правило, имели имитационный характер.

Имитация и формализм – очень частые "родимые пятна" реформирования страны, не изжитые нами до сего дня. Власть имущие думают, что заимствовав внешние формы, назвав на европейский лад политические учреждения, можно изменить общественные отношения в стране, которая модернизируется. Собственно, Петр I начал именно с этого – перемены платья и бритья бород. Но он, и это важно, не собирался реформировать всю Россию по европейским лекалам, вплоть до конца жизни у него даже не было сколь либо продуманного плана действий: «Только разве в последнее десятилетие своей 53-летней жизни... у него начинается высказываться сознание, что он сделал кое-что новое и даже очень немало нового. Но такой взгляд является у него, так сказать, задним числом, как итог сделанного, а не как цель деятельности» (Ключевский, 1989: 191). Относясь к Западу с трезвым недоверием, он заимствовал из багажа модернити (во многом формально) лишь одно «политическое изобретение» – структуры госуправления: десять по - шведски устроенных коллегий и Сенат, в которых при его жизни процветали ожесточенные раздоры и казнокрадство. Кроме них были заимствованы формы организации промышленного производства (мануфактуры), армии, флота и что очень важно – формы организации научной деятельности и образования – Академия и университеты.

Но Петр не собирался проводить социальную и политическую модернизацию империи, превращать ее в правовое демократическое и, что очень важно национальное государство. Это собиравшись сделать Екатерина Великая и Александр I, реформа которого по проекту М.М. Сперанского была приостановлена запиской Н.М. Карамзина «О древней и новой России», в которой историк предупреждал против механического заимствования европейского опыта, могущего подорвать самодержавие. И для этого были свои резоны. Дело в том, что "признание за народом верховной власти и признание глубинного равенства разных слоев народа, составляющие сущность современной национальной идеи, в тоже самое время являются главными принципами демократии. Демократия родилась с чувством национальности. Демократия и национализм внутренне связаны между собой, и их нельзя полностью понять в отрыве от этой глубинной связи. Национализм был той формой, в которой демократия впервые явилась миру, спрятанная в идее "нация", как бабочка в коконе" (Гринфельд, 2008: 14).

В отличие от либерально-демократических Англии и Франции, которые были "морскими империями" и пытались привить свою культуру этническим элитам колоний, Россия сформировалась как империя континентальная. И первоначально даже не ставила цели формирования "нации" как политической общности, основанной на «суверенитете народа». Разумеется, в России существовало то, что Э. Геллнер, Ю. Хабермас и др. обозначили как «протонациональные связи», основой которых были православие, "священная история" и общее историческое прошлое древнейших родов империи. Но здесь, вплоть до известного Указа Екатерины II о дворянских вольностях, не было действительно свободного дворянства, готового участвовать в политической жизни. Ю. Хабермас обозначил данное явление как *Adelsnation* – «нация знати», описав следующий механизм ее возникновения: «правлящие сословия, которые встречались друг с другом в «парламентах»

или в других «представительных собраниях», представляли страну или «нацию» *перед лицом двора*» (Хабермас, 2002: 366).

Аналогом европейских представительных собраний в России XVI-XVII столетий были Земские соборы и Боярская Дума, которые затем были упразднены великим Петром, подчинившим церковь государству и взявшим курс на «европеизацию» не общества, а российского дворянства и формирование космополитичной имперской правящей элиты из иноверных иноземцев. Тем самым, несмотря на появление газет, журналов и университетов, разрыв между русской «народной культурой» (не говоря уже о десятках других) и «высокой культурой» правящего слоя к концу XVIII столетия был не сокращен, а увеличен. Да и сама, представленная в столичных салонах, так называемая «высокая культура» знати была лингвистически гетерогенной, являя собой «смешение языков: «французского с нижегородским»».

Так что вплоть до начала XIX столетия многих предпосылок для формирования «нации знати» и «нации народа» в империи не было. В силу неразвитости государственной системы образования и медиа не было и метакультуры, способной сплотить поликультурное, многоконфессиональное население империи в социокультурное целое. Цивилизационная модель, по которой жила империя весь XVIII век, фактически, если воспользоваться термином Шпенглера, представляла собой *"псевдоморфозу"* – причудливое сочетание европейских форм жизни и с неевропейским смысловым и ценностным содержанием (унаследованным от Московской Руси), влагаемым в эти формы плохо образованным чиновничеством, духовенством, городским мещанством, купечеством и мелкопоместным дворянством. Была ли эта «классическая» для многих стран «второго эшелона» развития псевдоморфозная модель социокультурной эволюции органичной для царской России? По видимому. В любом случае многомиллионные разноязыкие, поликонфессиональные и неграмотные «народные массы» России находились вне центрального «культурного ядра» России: их самосознание строилось на основе многочисленных архаичных местных и региональных (этнических) идентификаций. Необходимо было появление «истории государства российского» и «русского литературного языка», ставших основой представлений о «русском народе». Так благодаря усилиям великих русских историков (Татищева, Карамзина и др.), славянофилов и великих русских поэтов, прежде всего, А.С. Пушкина, в первой трети XIX века в России *возникает русский «лингвистический национализм»*, способствующий «натурализации» династии Романовых, которая, собственно, и привела к появлению российского «имперского национализма».

Однако российский государственный (имперский) национализм принципиально отличался от современного ему европейского национализма, который, по мнению Ю. Хабермаса, пытался связать национальную «более абстрактную форму общественной интеграции» с демократическими «структурами принятия политических решений» (Хабермас, 2001: 267). Но последних в империи Романовых не было. В отличие от государств Запада, имевших «договорной» характер, государство российское продолжало оставаться властьюцентричным образованием, в котором «традиции» (в том числе и политические) превалировали над «современностью». Поэтому взамен политики национализма европейского образца в николаевской империи была провозглашена доктрина «официальной народности», признававшая деспотию и рабство атрибутами православной России. «Да, - признавался Николай I, - деспотизм еще существует в России, ибо он составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации». Ему вторил министр образования граф Уваров, считавший лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» «политической религией России»: «У политической религии, как и у веры в Бога, есть свои догматы. Для нас один из них крепостное право. Оно установлено твердо и нерушимо. Отменить его невозможно, да и ни к чему» (Лемке, 1918: 42). Так в середине XIX века складывается своеобразная «национальная» государственная идеология, дополненная идеями «великой державы» и миссией панславизма.

Частично заимствовав из Европы системы организации науки и образования для дворян и части мещанства, европеизировав лишь очень узкий слой российского дворянства, импортировав в империю немало европейских ученых, Россия вплоть до второй половины XIX столетия по существу оставалась неграмотной и псевдоевропейской страной, опиравшейся в своем развитии не на социальные инновации, а на традиции. Собственно

модернизация начинается в России с реформ Александра II, который ввел общедоступность и внесловность начального образования, самоуправление университетов и многое другое. Именно тогда, отмечают исследователи, «Запад становится для России образцом развития, идея приблизится к нему – догоняющей моделью модернизации, индустриализацией, капитализмом – целью, которую надо выполнить» (Федотова, 2009: 15).

За исключением демократизации политической сферы общества и формирования "нации", вначале XX века эта цель была достигнута: Россия твердо стала на путь капиталистического развития. Собственно тогда же, к концу XIX – началу XX века завершается формирование "культурного ядра" новой *российской цивилизации современного типа*, давшей миру великую русскую поэзию и прозу, великую музыку и живопись, великую науку, архитектуру и балет. Но поскольку многомиллионное русское и "иностранное" крестьянство, практикующее архаические формы жизни и мысли, составляло подавляющее большинство населения империи, на окраинах которой формировался и укреплялся польский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, эстонский и иной "этнический национализм", обострялись социальные и экономические противоречия, *эта цивилизация имела гибридный характер*, идеологическую специфику которой уже тогда выразило евразийство. Она двигалась навстречу "большой Европе". Но русские революции и первая мировая война оборвали это движение. И Россия вновь, если пользоваться терминологией А. Янова, проваливается в пропасть контрреформы, завершившейся гражданской войной и образованием СССР, который начал индустриальную модернизацию страны на принципиально новой экономической и политической основе, но опять – таки при определяющей роли государства. На обломках царской империи *возникла империя нового типа* – советская империя "положительной деятельности" (Ливен, 2007), которой за короткое время удалось создать новую "советскую цивилизацию", основанную на административно-командной государственной экономике и однопартийной системе.

К сожалению, я не могу подробно разбирать все перипетии и просчеты формирования этой цивилизации. Отмечу лишь, что начиная 1930-х годов разрабатываемая под идеологическим прикрытием «интернационализма» реальная *политика государства была переориентирована на формирование новой политически интегрированной «исторической общности»*. В русле стратегии ее формирования происходило стирание территориальных границ компактного проживания этносов (изменение границ территориальных и национально-территориальных образований), различий в социальной стратификации населения (коллективизация, индустриализация), увеличение миграционных потоков (в том числе за счет насильственного переселения) и, конечно, формирование общего относительно гомогенного культурного, образовательного и информационно-коммуникативного пространства Советского Союза. Формально это открывало возможность решения «национального вопроса»: формирования новой политической общности – «советского народа».

Важная, а быть может и ведущая, роль в этом процессе отводилась архитектуре, литературе, театру, кино, печати, радиовещанию, а позже телевидению. Начиная с 1918 года по всей стране возводились (иногда на прежних постаменты) памятники и монументы новым вождям, героям революции и «людям труда», были созданы шедевры киноискусства «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Петр Первый», «Александр Невский», «Нахимов»... Вместе с великой прозой А.Н. Толстого, М.А. Шолохова, К.А. Федина, поэзией В.В. Маяковского и А.Т. Твардовского они создавали новое «символическое поле», в котором теперь оказывалось и новое «государство рабочих и крестьян»: его начинают воспринимать как «отечество», во имя которого можно не только убивать, но и добровольно умирать. Границы этого символического поля неуклонно расширялись: государство искало и создавало свои исторические корни, постепенно включая в пантеон исторической памяти выдающихся царей, полководцев и борцов «за народное дело», великих ученых, художников, прозаиков и поэтов, которые с точки зрения власти составляли гордость нового Отечества. Слава и мощь которого многократно увеличились после войны с гитлеровской Германией, не случайно названной Великой Отечественной войной.

Надо заметить, что войны вообще, и тем более войны победоносные, играли важную роль в формировании и эволюции всех цивилизаций и наций. Защищая нацию, государство

формирует у своих граждан *национальное* самосознание; в результате происходит ослабление групповых идентичностей, в том числе этнических. Для обретения идентичности необходима дифференциация по принципу «мы – они», невозможная без формирования национальных стереотипов и идеи превосходства. Превосходство нуждается в подтверждении, а стереотипы способствуют демонизации других в качестве врагов. Поэтому, например, монументы и могилы Неизвестного солдата являются культурным источником патриотизма, укрепляют национальное единство, создают новую ответственность уже ушедших, кто превратился в памятники-символы: с их помощью страна, даже совершая ошибки, на самом деле всегда остается права. Разумеется, эта новая ответственность и общая «историческая память» должны были быть подкреплены и закреплены идеологически, информационно и культурно-лингвистически через государственную систему образования. И это было сделано посредством советской школы, литературы, искусства, кино, радио, телевидения и иных СМИ.

В начале 1960-х в кулуарах ЦК КПСС была сформулирована и начала реализовываться идея формирования аналога нации – «советского народа». Но этот процесс, как известно, не был завершен в силу очевидной ошибочности «генеральной линии партии» на реализацию концепции «некапиталистического развития» и форсированного прыжка «из феодализма в социализм». В составе СССР находилось множество этнокультурных территорий, население которых жило по своим собственным, уходящим в глубокую древность законам, сохранившим традиционные социально-политические институты, которые не только приспособлялись к модернизации общественного уклада, но и его приспособляли к своему облику. В итоге, споткнувшись о сопротивление многочисленных республиканских этнобюрократических элит и руководства РСФСР, об экономическое давление Запада, навязавшего стране гонку вооружений, Советский Союз распался. Распалась и "мировая система социализма". А вместе с ними канула в лету и "советская цивилизация" с ее панъидеей глобального превосходства и метаидеологией построения коммунизма.

Современная Россия безусловно наследует ей. Но у нее нет не только объединяющей народы политической и религиозной метаидеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она, как и в XVIII веке, представляет собой *цивилизационную псевдоморфозу*, причудливо сочетая элементы архаики, советского прошлого и современности. Политические и социально-психологические элементы архаичной социальной практики выражаются в уповании на авторитарные формы властвования, в архаическом коллективизме, социальном рефлексе "отнять и поделить", в произволе чиновников, практике чиновных «кормлений», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии. Вместе с появлением «власти-собственности» (свободной конвертации власти в деньги и собственность и обратно) эти и некоторые другие виды социальной практики взаимосвязаны и несовместимы с эффективным развитием РФ. В экономическом пространстве которой представлены цивилизационно разные хозяйственные формы: архаический (аграрный), устаревающий (индустриальный) и перспективный (информационный) уклады. Сосуществуют частный и государственный, рыночный и административно-планируемый способы производства. А экономическая мозаичность сочетается с культурной гетерогенностью страны: ее языковым многообразием, полиэтничностью и разноконфессиональностью. Что делать?

3. Заключение

Прежде всего надо взглянуть правде в глаза и признать, что используемая Россией на протяжении многих лет стратегия "догоняющего развития" Европы и США оказалась unsuccessful из-за не современности российского государства, препятствовавшего вхождению России в пространство "модерна". Поэтому начинать модернизацию страны следует с трансформации российской государственности, ее перестройки на европейский лад. В обозримом будущем это вряд ли осуществится в силу не "национального", а имперского характера российского государства, использования полномочий Центра как наиболее удобного и привычного способа управления полиэтничным, лингвистически и конфессионально гетерогонным российским социумом. Поспешная демократизация России по евроатлантическим лекалам чревата распадом асимметричной Российской Федерации.

Уповать следует на "просвещение" российских элит, на то, что авторитаризм политической власти будет авторитаризмом развития, а не стагнации.

В горизонте этого развития, в частности, должна быть ориентация на формирование "российской нации", развитие отечественной науки и культуры, в том числе философии и социальных наук, которые совместно должны разработать *российский проект цивилизационного развития*. Опыт Китая, Индии и Японии свидетельствует о возможности цивилизационно различных стран вырабатывать альтернативные западному модернизму эффективные стратегии развития. Это же может и должна сделать Россия.

Литература

Андерсон, 2001 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

Бродель, 1977 – Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Общ. ред. И.С. Кона. М., 1977. С. 114-142.

Бродель, 1992 – Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т.3. Время мира. М., 1992.

Бродель, 2008 – Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. Перевод с франц. Б.А. Ситникова. М.: Весь мир, 2008.

Гранин, 2018 – Гранин Ю.Д. Идеология постмодернизма и ее влияние на трансформацию языка социальных наук // *Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Электронный журнал*. 2018. Выпуск 5. DOI: 10.18698/2306-8477-2018-5

Гранин, 2015 – Гранин Ю.Д. В тисках "догоняющей модернизации" // *Журналист. Социальные коммуникации*. 2015. №1-2. С. 32-45.

Гранин, 2013 – Гранин Ю.Д. "Глобализация" или "вестернизация"? // *Свободная мысль*. 2013. №1 (1637). С. 51-64.

Гранин, 2006 – Гранин Ю.Д. Глобализация и национализм // *Философские науки*. 2006. №7. С. 5-23.

Гранин, 1994 – Гранин Ю.Д. Власть и экологическое сознание // *Свободная мысль*. 1994. №2-3. С. 32-39.

Гринфельд, 2008 – Гринфельд Лия. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008.

Ключевский, 1989 – Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в девяти томах. Т.IV. М. 1989.

Лемке, 1918 – Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 1826-1855. СПб., 1918.

Ливен, 2007 – Ливен Доминик. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007.

Миллер, 2005 – Миллер А. И. Национализм и империя. М.: ОГИ, 2005.

Тойнби, 1991 – Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.

Хабермас, 2001 – Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001.

Хабермас, 2002 – Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм*. М., 2002.

Хантингтон, 2004 – Хантингтон Самюэль. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. - М.: Транзиткнига, 2004.

Философия коммуникации, 2017 – Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты. СПб: Изд-во Политехнического университета. 2017.

Февр, 1991 – Февр Люсьен. От Шпенглера к Тойнби // *Бои за историю*. Пер. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича и Ю.Н. Стефанова, М.: Наука, 1991. С. 72-96.

Федотова, 2009 – Федотова В.Г. Российская история в зеркале модернизации // *Вопросы философии*. 2009. №12. С. 3-18.

Яковенко, 1995 – Яковенко И. Цивилизация и варварство в истории России // *Общественные науки сегодня*. 1995, №4, 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://varvar.ru/arhiv/texts/yakovenko2.html#p2>

References

- Anderson, 2001** – *Anderson B.* (2001). Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. M.: «KANON-press-C», «Kuchkovo pole». [in Russian]
- Brodel', 1977** – *Brodel' F.* (1977). Istoriya i obshchestvennyye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' [History and social sciences. Historical duration]. *Filosofiya i metodologiya istorii*. Obshch. red. I.S. Kona. M., pp. 114-142. [in Russian]
- Brodel', 1992** – *Brodel' F.* (1992). Material'naya civilizaciya, ehkonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. [Material civilization, economics and capitalism, XV – XVIII centuries]. T. 3. Vremya mira. M. [in Russian]
- Brodel', 2008** – *Brodel' F.* (2008). Grammatika civilizacij [Grammar of civilizations]. Perevod s franc. B.A. Sitnikova. M.: Ves' mir. [in Russian]
- Granin, 2018** – *Granin Yu.D.* (2018). Ideologiya postmodernizma i ee vliyanie na transformaciyu yazyka social'nyh nauk [The ideology of postmodernism and its influence on the transformation of the language of social sciences]. *Gumanitarnyj vestnik MGTU im. N.Eh. Baumana. Elektronnyj zhurnal*, 5. DOI: 10.18698/2306-8477-2018-5 [in Russian]
- Granin, 2015** – *Granin Yu.D.* (2015). V tiskah "dogonyayushchej modernizacii" [In the grip of "catch-up modernization"]. *Zhurnalist. Social'nye kommunikacii*, 1-2: 32-45. [in Russian]
- Granin, 2013** – *Granin Yu.D.* (2013). "Globalizaciya" ili "vesternizaciya"? ["Globalization" or "Westernization"?]. *Svobodnaya mysl'*, 1(1637): 51-64. [in Russian]
- Granin, 2006** – *Granin Yu.D.* (2006). Globalizaciya i nacionalizm [Globalization and nationalism]. *Filosofskie nauki*, 7: 5-23. [in Russian]
- Granin, 1994** – *Granin Yu.D.* (1994). Vlast' i ehkologicheskoe soznanie [Power and environmental consciousness]. *Svobodnaya mysl'*, 2-3: 32-39. [in Russian]
- Grinfel'd, 2008** – *Grinfel'd L.* (2008). Nacionalizm. Pyat' putej k sovremennosti [Nationalism. Five ways to modernity]. M.: PER SEH. [in Russian]
- Klyuchevskij, 1989** – *Klyuchevskij V.O.* (1989). Kurs russkoj istorii [The course of Russian history]. Sochineniya v devyati tomah. T. IV. M. [in Russian]
- Lemke, 1918** – *Lemke M.* (1918). Nikolaevskie zhandarmy i literatura. 1826-1855 [Nicholas gendarmes and literature. 1826-1855]. Spb. [in Russian]
- Liven, 2007** – *Liven Dominik* (2007). Rossijskaya imperiya i eyo vragi s XVI veka do nashih dnej [The Russian Empire and its enemies from the XVI century to the present day]. M.: Evropa. [in Russian]
- Miller, 2005** – *Miller A.I.* (2005). Nacionalizm i imperiya [Nationalism and Empire]. M.: OGI. [in Russian]
- Tojnbi, 1991** – *Tojnbi A.* (1991). Postizhenie istorii [Comprehension of history]. M.: Progress. [in Russian]
- Habermas, 2001** – *Habermas Yu.* (2001). Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii [Involving the other. Essays on political theory]. SPb.: Nauka. [in Russian]
- Habermas 2002** – *Habermas Yu.* (2002). Evropejskoe nacional'noe gosudarstvo: ego dostizheniya i predely. O proshlom i budushchem suvereniteta i grazhdanstva [European national state: its achievements and limits. About the past and the future of sovereignty and citizenship]. Nacii i nacionalizm. M. [in Russian]
- Hantington, 2004** – *Hantington Samyuehl'* (2004). Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti [Who are we? Challenges of american national identity]. M.: Tranzitkniga. [in Russian]
- Filosofiya kommunikacii, 2017** – *Filosofiya kommunikacii*. Teoretiko-metodologicheskie aspekty [Communication philosophy. Theoretical and methodological aspects]. SPb: Izd-vo Politehnicheskogo universiteta, 2017. [in Russian]
- Fevr, 1991** – *Fevr Lyus'en* (1991). Ot Shpenglera k Tojnbi. Boi za istoriyu [From Spengler to Toynbee. Fights for history]. Per. A.A. Bobovicha, M.A. Bobovicha i YU.N. Stefanova, M.: Nauka, pp. 72-96. [in Russian]
- Fedotova, 2009** – *Fedotova V.G.* (2009). Rossijskaya istoriya v zerkale modernizacii [Russian history in the mirror of modernization]. *Voprosy filosofii*, 12: 3-18. [in Russian]

Yakovenko, 1995 – Yakovenko I. (1995). Civilizaciya i varvarstvo v istorii Rossii [Civilization and Barbarism in the history of Russia]. Obshchestvennye nauki segodnya, 4, 5. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://varvar.ru/arhiv/texts/yakovenko2.html#p2> [in Russian]

Государство как фактор цивилизационной эволюции России

Юрий Дмитриевич Гранин ^{а, *}

^а Институт философии Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется проблема цивилизационной принадлежности России в историческом диапазоне от Киевской Руси до современной РФ. Она решается на основе использования авторской (институциональной) версии цивилизационного подхода. Согласно ей, важнейшим фактором формирования и развития цивилизаций, их взаимодействия и конкуренции были "универсальные государства" – "царства" и "империи". Изучая становление и развитие Московского царства, российской империи и СССР, автор приходит к выводу, что исторически эти политические формы имели три цивилизационных воплощения: "православную цивилизацию", "гибридную цивилизацию современного типа" империи Романовых и "советскую цивилизацию", представляющую особый тип индустриального развития. Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но у нее нет не только объединяющей народы политической и религиозной метаидеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она представляет собой *цивилизационную псевдоморфозу*, причудливо сочетая элементы архаики, советского прошлого и современности. В условиях геополитического одиночества России, ее перспективы связаны с системной модернизацией страны на основе собственной цивилизационной модели, позволяющей (подобно Китаю, Индии и Японии) вырабатывать альтернативные западному модернизму эффективные стратегии развития.

Ключевые слова: государство, империи, модернизация, царство, цивилизация.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: maily-granin@mail.ru (Ю.Д. Гранин)